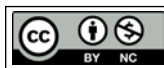

Научная статья
УДК 371.4

EDN: HENPLK

Статья опубликована на условиях лицензии
Creative Commons Attribution 4.0
International License

МОДЕЛИ ФОРМИРОВАНИЯ ПАТРИОТИЗМА МОЛОДЕЖИ: ИСТОРИЧЕСКИЙ ОПЫТ И СОВРЕМЕННЫЙ КОНТЕКСТ

Ирина Валентиновна ГОНЧАРОВА¹

79208195393@yandex.ru, SPIN-код: 4314-5422, <https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

Герман Сергеевич ЧУВАРДИН²

wodantag@mail.ru, SPIN-код: 1832-8292, <https://orcid.org/0000-0002-7706-3419>

Антон Иванович ВЕЛИЧКО³

ai_velichko@guu.ru, <https://orcid.org/0009-0009-0722-5900>

^{1, 3} Государственный университет управления, Москва, Россия

² Орловский государственный университет имени И.С. Тургенева, Орел, Россия

Аннотация. Актуальность исследования обусловлена трансформацией молодежной политики в условиях цифровизации публичного пространства, расширением круга субъектов формирования патриотизма и усилением конкуренции символических и ценностных нарративов. В ситуации сетевой фрагментации идентичности государственное управление сталкивается с необходимостью выработки механизмов формирования гражданской и национальной идентичности, адекватных логике цифровых коммуникаций и публично-сетевой политики.

Цель статьи состоит в выявлении управленческого потенциала исторического опыта формирования патриотизма и обосновании направлений его адаптации в системе государственной молодежной политики в условиях цифровизации.

Методологическую основу исследования составляют институциональный и сравнительный подходы, позволяющие рассматривать формирование патриотизма как результат целенаправленной государственной политики в изменяющихся общественно-политических и технологических условиях. В работе использованы типологический метод для выявления структурных характеристик исторических и современных моделей патриотизма; сравнительно-исторический анализ для сопоставления дореволюционной, советской и цифровой моделей формирования идентичности; системный анализ, обеспечивший выявление устойчивых управленческих принципов и механизмов их трансформации в условиях цифровизации публичного пространства.

В результате исследования выявлены три институционально различающиеся исторические модели формирования патриотизма: имперская (XIX – начало XX в.), характер-

© Гончарова И.В., Чувардин Г.С., Величко А.И., 2026

ризующаяся иерархическим устройством и сакрализацией государственности; советская (на примере предвоенного периода 1930-х годов), основанная на мобилизационно-массовой интеграции; современная цифровая модель, отличающаяся сетевой организацией, конкуренцией нарративов и ограниченной монополией государства на символическое пространство. Определены устойчивые управленческие принципы: системность образовательной среды, согласованность символической политики, интеграция ценностных ориентиров в практике повседневного участия.

В заключении отмечается, что эффективность современных механизмов формирования патриотизма определяется их способностью интегрировать образовательные практики с цифровыми форматами участия и обеспечивать молодежи возможность позитивной самопрезентации в виртуальном пространстве.

Ключевые слова: молодежная политика, патриотизм, политическая идентичность, цифровизация, символическая политика, историческая память, идентичность, сетевые коммуникации.

Заявление о конфликте интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Вклад авторов: все авторы сделали эквивалентный вклад в подготовку публикации.

Для цитирования: Гончарова И.В., Чувардин Г.С., Величко А.И. Модели формирования патриотизма молодежи: исторический опыт и современный контекст // Вестник Поволжского института управления. 2026. Т. 26, № 2. С. 21–35. EDN: HENPLK

Original article

This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 International License

MODELS OF YOUTH PATRIOTISM FORMATION: HISTORICAL EXPERIENCE AND CONTEMPORARY CONTEXT

Irina V. GONCHAROVA¹

79208195393@yandex.ru, SPIN: 4314-5422, [https:// orcid.org/0000-0002-7532-8751](https://orcid.org/0000-0002-7532-8751)

German S. CHUVARDIN²

wodantag@mail.ru, SPIN: 1832-8292, [https:// orcid.org/0000-0002-7706-3419](https://orcid.org/0000-0002-7706-3419)

Anton I. VELICHKO³

ai_velichko@guu.ru, [https:// orcid.org/0009-0009-0722-5900](https://orcid.org/0009-0009-0722-5900)

^{1, 3} State University of Management, Moscow, Russia

² Orel State University named after I.S. Turgenev, Orel, Russia

Abstract. The relevance of the study is determined by the transformation of youth policy in the context of digitalization of the public space, the expansion of the range of actors involved in the formation of patriotism, and the intensification of competition among symbolic and value narratives. In the situation of network fragmentation of identity, public administration faces the

need to develop mechanisms for the formation of civic and national identity that are adequate to the logic of digital communications and public-network policy.

The purpose of the article is to identify the managerial potential of historical experience in the formation of patriotism and to substantiate directions for its adaptation in the system of state youth policy in the context of digitalization.

The methodological basis of the research includes institutional and comparative approaches, which allow considering the formation of patriotism as a result of purposeful state policy in changing socio-political and technological conditions. The study employs a typological method to identify structural characteristics of historical and contemporary models of patriotism; comparative historical analysis to compare pre-revolutionary, Soviet, and digital models of identity formation; as well as systems analysis, which enabled the identification of sustainable managerial principles and mechanisms of their transformation in the context of digitalization of the public space.

The study identified three institutionally distinct models of patriotism formation: the imperial model (19th – early 20th centuries), characterized by hierarchical structure and sacralization of statehood; the Soviet model (exemplified by the pre-war period of the 1930s), based on mobilization-mass integration; and the modern digital model, distinguished by network organization, competition of narratives, and limited state monopoly on symbolic space. Sustainable managerial principles are identified: systematic educational environment, coherence of symbolic politics, and integration of value orientations into everyday participation practices.

The conclusion states that the effectiveness of modern mechanisms for forming patriotism is determined by their ability to integrate educational practices with digital participation formats and provide young people with the opportunity for positive self-presentation in virtual space.

Keywords: youth policy, patriotism, political identity, digitalization, symbolic politics, historical memory, identity, online communications.

Conflicts of interest. The authors declare no conflicts of interest.

Contribution of the authors: all authors have made equivalent contributions to the publication.

For citation: *Goncharova, I.V., S. Chuvardin, G.S., Velichko, A.I.* Models of Youth Patriotism Formation: Historical Experience and Contemporary Context // The Bulletin of the Volga Region Institute of Administration. 2026. Vol. 26, № 2. P. 21–35. EDN: HENPLK

Введение. Современный этап развития молодежной политики Российской Федерации характеризуется одновременным усложнением публичного пространства и трансформацией механизмов формирования гражданской и национальной идентичности молодежи. Цифровизация общественных отношений привела к расширению круга акторов, участвующих в производстве и трансляции смыслов, связанных с патриотизмом: наряду с государственными институтами активную роль играют общественные объединения, цифровые платформы, блогосфера, сетевые сообщества и иные неинституциональные структуры. В этих условиях молодежная политика реализуется и как направление

государственной политики, и как публичная экосистема, функционирующая в цифровом медиапространстве. Важнейшей задачей реализации молодежной политики, как отмечается в регулирующих ее нормативно-правовых актах, является формирование патриотизма¹.

Данный феномен в современной научной традиции не идентифицируется исключительно с эмоциональным отношением к Родине, а рассматривается как ценностная установка политического сознания, которая рождает определенные модели общественного поведения. В этом смысле формирование патриотизма представляет собой не стихийный процесс, а результат целенаправленного управленческого воздействия. Вместе с тем цифровая среда существенно меняет характер такого воздействия: формируются фрагментарные идентичности, усиливается влияние визуальных и короткоформатных медиа, возрастает конкуренция альтернативных нарративов [1; 2]. Как отмечают исследователи, «находясь в сетевом пространстве, сознание человека проходит стадию политической идентификации, неизбежно связанной с наполнением его когнитивных и аксиологических структур идеологическим смыслом» [3]. Именно смысловое наполнение патриотических нарративов актуализирует обращение к историческому опыту — дореволюционному и советскому. Очевидное различие эпох не является препятствием для конструирования смыслов и механизмов их донесения.

Исторический опыт свидетельствует, что формирование патриотизма всегда было тесно связано с институциональной организацией образовательной и воспитательной среды, системной работой государства по конструированию символического пространства, а также интеграцией ценностных установок в повседневные социальные практики. Российская образовательная среда как ключевой механизм социализации традиционно обеспечивала воспроизводство лояльности и гражданской ответственности. Очевидно, что прямое копирование исторических моделей в современных условиях невозможно: цифровая эпоха формирует иную картину мира молодежи, основанную на сетевой коммуникации, алгоритмической селекции контента и множественности источников идентификации.

Следовательно, актуализируется научная проблема соотношения исторически выработанных механизмов институционализации патриотизма с современными условиями цифрового публичного пространства. Молодежная политика оказывается перед необходимостью поиска уп-

¹ Об утверждении Стратегии реализации молодежной политики в Российской Федерации на период до 2030 года: распоряжение Правительства РФ от 17 авг. 2024 г. № 2233-р (в ред. от 8 мая 2025 г.). URL: <http://static.government.ru/media/files/jBrmuJi7WMLGBOftXWhrMlzKFCgIgqO7.pdf>

решений, способных обеспечить системную интеграцию государственной и публичной составляющих молодежной политики, сохранив координирующую роль государства при одновременном учете сетевого характера коммуникаций.

Цель статьи состоит в выявлении управленческого потенциала исторического опыта формирования патриотизма и обосновании направлений его адаптации в системе государственной молодежной политики в условиях цифровизации.

Материалы и методы исследования. Методологическую основу исследования составляют институциональный и сравнительный подходы, позволяющие рассмотреть формирование патриотизма как результат целенаправленной государственной политики в изменяющихся общественно-политических и технологических условиях.

Типологический метод применен для выявления структурных характеристик исторических и современных моделей патриотизма. Основанием типологизации выступает институциональная конфигурация — характер взаимодействия государства, образовательной системы и публичного пространства. Такой подход позволяет выявить устойчивые управленческие принципы и проследить трансформацию механизмов формирования идентичности.

Сравнительно-исторический метод использован для сопоставления дореволюционной, советской и современной цифровой моделей формирования идентичности. Анализ проведен по следующим параметрам: тип институционального устройства, доминирующий субъект, механизм социализации, характер символической политики, степень монополии государства на ценностное пространство, управленческий вызов эпохи.

Системный анализ обеспечил выявление устойчивых управленческих принципов формирования патриотизма и их трансформации в условиях цифровизации публичного пространства.

Эмпирическую базу исследования составили следующие материалы: исторические источники (труды С.М. Соловьева, воспоминания, архивные материалы о военно-учебных заведениях); нормативно-правовые акты Российской Федерации в сфере молодежной политики; данные социологических исследований восприятия патриотического контента молодежью; материалы анализа цифровых платформ.

Предложенная типология моделей представляет собой идеально-типические конструкции (в веберовском смысле), которые не охватывают всего многообразия исторических практик. Анализ советской модели сосредоточен преимущественно на предвоенном периоде (1930-е годы), который рассматривается как наиболее репрезентативный для мобили-

зационной парадигмы. Постсоветский период (1990–2000-е годы) анализируется как переходный этап, предшествующий цифровой трансформации, и не претендует на исчерпывающее описание.

Результаты исследования. *Теоретические основания: патриотизм как объект институционального управления.* В формировании патриотизма важнейшую роль всегда играла образовательная среда, поскольку именно образование выступает пространством воспроизводства базовых смыслов коллективной идентичности, норм гражданской лояльности и моделей политического участия [4]. В отечественной традиции образовательная система рассматривается не только как механизм трансляции знаний, но и как инструмент целенаправленной ценностной унификации общества, обеспечивающий формирование общегосударственного нарратива исторического прошлого и образа будущего. В этом контексте патриотизм выступает не как исключительно эмоциональное переживание, а как «особая ценностная установка политического сознания, формирующая специфические формы общественных отношений и деятельности, связанные с поддержкой и защитой гражданином политических институтов, отражающих его интересы» [5, с. 109].

Ценностная унификация в образовательной среде реализуется через символическую политику государства, которая трактуется как «деятельность политических акторов, направленная на производство и продвижение / навязывание определенных способов интерпретации социальной реальности в качестве доминирующих» [6]. При этом следует отметить, что «символ не может быть “сконструирован” из ничего — он должен быть укоренен в культурном контексте» [7, с. 9]. Тем самым образовательная политика оказывается частью более широкой стратегии производства и воспроизводства смыслов, в рамках которой интерпретация прошлого становится инструментом проектирования будущего.

Символическая политика в сфере образования базируется на механизмах социализации, обеспечивающих согласование индивидуального опыта с коллективными представлениями о нации и государстве. По логике П. Бурдьё, речь идет о формировании устойчивых схем восприятия и действия, которые философ называет *habitus*, закрепляющих признание определенного порядка как естественного и легитимного [8]. Государство, обладая монополией на легитимную символическую власть, формирует «категории восприятия социального мира», через которые индивиды интерпретируют исторические события, национальные символы и собственную принадлежность к политическому сообществу [9].

С позиций концепции воображаемых сообществ Б. Андерсона нация конструируется как символическое единство, поддерживаемое

через общие тексты, образовательные программы и репрезентации исторического опыта [10]. Образовательная среда в этом случае выполняет функцию институционального «посредника», обеспечивающего синхронизацию индивидуальных идентичностей с общенациональным нарративом. Именно через учебные курсы истории, гражданского воспитания, памятные даты и ритуалы формируется представление о принадлежности к государству.

Таким образом, роль государства в системе формирования патриотизма заключается не только в нормативном регулировании молодежной политики, но и в централизованном конструировании идентичности через символические ресурсы образования.

Исторические модели институционализации патриотизма:

1. Имперская модель (XIX — начало XX в.) формирования патриотизма характеризовалась нормативно-иерархической организацией образовательной среды и ценностной унификацией через канонизированный исторический нарратив. Военно-учебные заведения Российской империи функционировали как институциональные «школы лояльности», где курс истории играл роль ключевого инструмента формирования монархической и государственно-центричной идентичности [11, с. 59].

Анализ «Учебной книги по русской истории» С.М. Соловьева [12] позволяет выявить механизмы конструирования имперской идентичности:

- персонализация власти: нарратив строится вокруг фигуры монарха как центра рационализации и упорядочивания общественной жизни. Формулировки акцентируют личную ответственность и инициативу государя;
- легитимация государственного порядка: издание Полного собрания законов и Свода законов подается как акт заботы о государственном организме [13, с. 91];
- образовательная политика представлена как часть целостного имперского проекта, направленного на воспроизводство управленческой и интеллектуальной элиты [14, с. 12; 15, с. 36].

2. Советская модель (предвоенного периода 1930-х годов) трансформировала и расширила имперский подход, придав ему мобилизационно-массовый характер. В предвоенный период (1930—1941 гг.) патриотизм интегрировался в систему всеобщего образования через обязательные дисциплины, начальную военную подготовку с унифицированными учебниками («Наставление по стрелковому делу», 1938), программу ГТО (к 1941 г. — более 6 млн награжденных) [16]. По сути, в формировании патриотизма были задействованы физические практики, сочетавшиеся с идеологическими компонентами.

Механизмы формирования патриотизма в советской модели:

— переработка исторических учебников (в 1934—1938 гг. под руководством А.А. Жданова) с акцентом на военные победы, героизацию Александра Невского, А.В. Суворова, М.И. Кутузова. Канонизация героического пантеона формировала ценность сильной личности в истории и готовность к подвигу [17, с. 93];

— персонализация подвига через образы героев, усиленную мобилизационными лозунгами («Будь готов к труду и обороне!»);

— формирование образа врага [18];

— массовые практики вовлеченности: походы по местам боевой славы, «Зарница», шефство над армией, военные кружки.

Усиление мобилизационной составляющей определялось внешнеполитическими факторами — нарастанием международной напряженности и необходимостью подготовки общества к войне.

3. Переходная модель 1990—2000-х годов. В условиях деидеологизации, распада советской ценностной системы и активной интеграции в западный политико-культурный контекст сформировалась модель с ослабленной институциональной ролью государства в сфере ценностной социализации. Патриотизм в этот период утратил статус нормативной установки государственной политики. В общественном дискурсе актуализировалась критическая рефлексия по отношению к апелляциям к национальной идее.

В 2000-е годы началось восстановление государственной системы патриотического воспитания: создание Росмолодежи (2008), проведение молодежных форумов («Селигер», «Территория смыслов»), разработка государственных программ патриотического воспитания. Этот период заложил институциональные основы для последующего этапа цифровой трансформации.

4. Современная цифровая модель лишила государство монополии на символическое пространство. Значимая часть ценностной социализации молодежи сместилась в цифровую среду, где смысл производится и распределяется в режиме сетевых коммуникаций [19; 20]. Патриотические нарративы попадают в конкурентную среду, где их видимость и интерпретация зависят от алгоритмов, форматов и сетевых акторов.

Сетевая природа цифровой публичности усиливает роль негосударственных и неинституциональных субъектов: блогосферы, информационных сообществ. В цифровой среде меняется производство контента, нивелируется экспертное мнение, формируются многочисленные любительские каналы. По утверждению М. Кастельса, в информационную эпоху власть все больше осуществляется через сети и медиа, а не через иерархические структуры [21, с. 233]. Одновременно алгоритмическая логика платформ повышает значимость эмоционально окрашенных сообщений, а «информационные пузыри» и «эхо-камеры» усиливают селек-

тивность восприятия [22]. Все эти особенности цифровой среды оказывают непосредственное влияние на трансляцию ценностей, в частности, патриотическое содержание соперничает с альтернативными рамками интерпретации прошлого и настоящего. Исследователи считают, что по «по мере продолжения виртуализации сферы политической жизни мировоззренческие и идеологические противостояния будут перемещаться в социальные сети, а конфликты, альянсы, союзы между блогерами станут замещать реальные политические процессы» [3]. Для молодежной аудитории цифровая среда является не только пространством потребления информации, но и повседневной средой социализации [23].

В соответствии с этой логикой государственное управление сталкивается с двойной задачей. Во-первых, необходимостью удерживать ценностную составляющую патриотического содержания; во-вторых, обеспечивать его «работоспособность» в медиасреде. При этом онлайн-пространство, в первую очередь социальные сети, выступает сферой формирования символических альтернатив и появления новых критических дискуссий.

Как следствие, патриотизм в цифровую эпоху нельзя сводить к «информированию», так как он конструируется и переосмысливается в публичной борьбе за интерпретации (символы, память, герои, образы будущего) именно в сетевой среде.

На основе проведенного анализа выделены три институционально различающиеся модели формирования патриотизма. Их сопоставление демонстрирует не линейную преемственность, а трансформацию механизмов социализации, символической политики и роли государства (таблица).

Типология моделей формирования патриотизма

Критерий	Имперская модель	Советская модель	Цифровая модель
Тип институционального устройства	Иерархический, сословный	Централизованный, массово-интегративный	Сетевой, платформенно-опосредованный
Доминирующий субъект	Государство (монархическая власть)	Государство и партийные структуры	Государство, цифровые платформы, блогеры, сетевые сообщества
Механизм социализации	Дисциплинарный (учебник, ритуал, иерархия)	Мобилизационно-практический (массовое участие, коллективные действия)	Проектно-коммуникативный, цифровой (вовлечение через контент, интерактивность)

Окончание табл.

Критерий	Имперская модель	Советская модель	Цифровая модель
Характер символической политики	Сакрализация государственности, персонификация власти	Идеологическая героизация, коллективизм, образ врага	Конкуренция нарративов, цифровая репрезентация памяти, визуализация
Степень монополии государства на ценностное пространство	Высокая (при ограниченности каналов коммуникации)	Полная (при тотальном контроле медиа)	Ограниченная (конкурентная среда, множественность акторов)
Управленческий вызов эпохи	Поддержание лояльности в условиях сословного общества	Мобилизация общества перед военной угрозой	Обеспечение ценностного единства в условиях сетевой фрагментации

Во всех трех случаях патриотизм формируется как результат институционально организованной символической политики, где образовательная среда выступает ключевым механизмом социализации. Изменяется не цель, а инструментарий и архитектура управления.

Обсуждения результатов. Сравнительный анализ позволяет рассуждать не о противопоставлении дореволюционного и советского периодов, а о наличии структурной преемственности в подходах к формированию идентичности. Современные исследователи обоснованно выступают против жесткого противопоставления периодов «до и после 1917 г.» в развитии политической истории России [24].

Имперскую и советскую модели объединяют следующие общие принципы:

- системность образовательной среды как базового института социализации;
- согласованность символической политики на разных уровнях (школа, медиа, общественные организации);
- интеграция ценностных ориентиров в практики повседневного участия (ритуалы, массовые мероприятия, физические практики).

Вместе с тем современная цифровая среда принципиально меняет условия реализации этих принципов. Утрата государством монополии на символическое производство требует перехода от иерархической модели воздействия к координационной и платформенной логике управления.

На основе выявленных устойчивых управленческих принципов можно предложить следующие направления их адаптации к современным условиям:

1. Архитектура управления. Цифровая среда усиливает эффект разрозненности, поэтому управленческий приоритет должен связывать патриотическое направление с институциональной архитектурой молодежной политики (цели, программы, ответственные субъекты, мониторинг эффектов). Исследователи обосновывают, что оппозиционные силы способны использовать молодежь как «малозатратный политический ресурс» [25], следовательно, государство должно выполнять роль структурирования информационных потоков.

2. Ценностная унификация через устойчивые символические коды. В условиях конкуренции нарративов ценностная унификация должна достигаться не запретительной риторикой, а через устойчивые символические коды, повторяемые в разных средах (образование, проекты, медиа). Единые смысловые «якоря» (служение, ответственность, солидарность, историческая преемственность) нуждаются в вариативных форматах под разные аудитории и платформы.

3. Интеграция образования в цифровую среду. Учитывая, что новые медиа охватывают соцсети, блоги и платформы как ключевые зоны коммуникации молодежи, управленческая задача заключается в соединении образовательных и воспитательных практик с цифровыми траекториями участия: проектностью, волонтерством, игровыми форматами, производством контента. Это принципиально отличается от простого «информирования». В цифровой среде эффективнее те решения, которые превращают молодежь в создателя патриотического содержания в институционально заданных рамках.

4. Системная работа с символическим пространством. В сети политические события часто воспринимаются как символические конструкции, поэтому в государственном управлении должны учитываться медиалогические эффекты: визуальность, персонализация, эмоциональные триггеры. Необходимо проектирование патриотических инициатив как устойчивых символических сценариев (а не разовых акций), где предусмотрены интерактивность, обратная связь, возможность позитивной самопрезентации молодого человека и социальное признание внутри виртуального сообщества.

5. Платформенные механизмы как способ удержания публично-сетевых контуров. Управленческий ответ на сетевую фрагментацию заключается не в борьбе с сетевыми формами, а в институциональном «встраивании» их через платформы, экосистемы проектов и прозрачные

правила участия. Создание платформ патриотической направленности позволяет связывать государственный контур целеполагания с публично-сетевым контуром реализации, удерживая ценностную рамку при множественности акторов и обеспечивая измеримость эффектов.

Предложенные направления адаптации несут определенные риски, которые необходимо учитывать:

- риск бюрократизации: создание платформенных механизмов может привести к избыточной формализации и потере гибкости, характерной для сетевых коммуникаций;

- риск недоверия: молодежь может воспринимать государственные патриотические инициативы как «квазипатриотический» контент, производимый «по разнарядке», что снижает их эффективность;

- риск усиления цифрового контроля: платформенные решения могут восприниматься как инструменты слежки и ограничения свобод, что противоречит ценностям автономии, значимым для молодежи;

- риск фрагментации: множественность платформ и инициатив при недостаточной координации может усилить фрагментацию, а не единство.

Минимизация этих рисков требует прозрачности механизмов, учета обратной связи от целевых аудиторий и гибкого сочетания государственного регулирования с самоорганизацией сетевых сообществ.

Заключение. Анализ дореволюционной и советской моделей подтверждает, что патриотизм — не стихийное чувство, а результат институционально организованной государственной политики, реализуемой через систему образования, символические практики и нормативно закрепленные механизмы социализации. В имперской модели ключевую роль играла образовательная унификация и нормативная кодификация, обеспечивавшие формирование имперской идентичности; в советской — мобилизационная интеграция школы, внеучебных организаций и идеологического дискурса, создававшая целостную модель гражданско-государственной лояльности.

Сравнительный анализ доказал, что в условиях цифровизации изменился не стратегический ориентир государственной молодежной политики, а среда ее реализации. Утрата государством монополии на символическое производство идентичности требует перехода от иерархической модели воздействия на молодежь к координационной и платформенной логике управления.

Исторический опыт демонстрирует значимость ценностной составляющей, образовательной интеграции и системной работы с символическим пространством. Однако их адаптация в цифровую эпоху возможна только при учете фрагментарной идентичности молодежи, особенностей медиапотребления и горизонтальных коммуникаций.

Обращение к историческим аналогам оправдано с точки зрения использования инструмента выявления устойчивых управленческих принципов: институциональной согласованности, ценностной целостности и символической координации. Их интеграция в цифровую экосистему молодежной политики позволяет сформировать современную управленческую модель, способную обеспечить устойчивость гражданской идентичности в условиях публичной сетевой конкуренции.

Перспективы дальнейших исследований связаны с эмпирическим изучением восприятия патриотического контента различными сегментами молодежной аудитории, сравнительным анализом опыта других стран в области цифровых механизмов формирования идентичности, исследованием эффективности конкретных платформенных решений, а также анализом роли искусственного интеллекта и алгоритмических систем в конструировании ценностных нарративов.

Список источников

1. Митина А.А. Возрастание значимости аудиовизуального контента в условиях цифровой реальности // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2024. № 14 (3). С. 37–43. DOI: 10.26794/2226-7867-2024-14-3-37-43. EDN: IHVTTC
2. Морозова С.С. Цифровой диалог: роль социальных медиа и цифровых платформ в коммуникации между государством и гражданином // Креативная экономика. 2025. Т. 19, № 1. С. 9–30. DOI: 10.18334/ce.19.1.122329. EDN: VJBIQK
3. Мартынов М.Ю., Габеркорн А.И. Патриотический дискурс в идеологических трендах «новых медиа» в современной России // Вестник Московского государственного областного университета. 2021. № 4. С. 104–120. DOI: 10.18384/2224-0209-2021-4-1097. EDN: XYKDDR
4. Самсонова Т.Н. Практики политической социализации в современной российской школе: состояние, проблемы и векторы развития // Вестник Московского университета. Сер. 18: Социология и политология. 2023. Т. 29, № 1. С. 110–126. DOI: 10.24290/1029-3736-2023-29-1-110-126. EDN: IXIRTQ
5. Мартынов М.Ю., Фадеева Л.А., Габеркорн А.И. Патриотизм как политический дискурс в современной России // Полис. Политические исследования. 2020. № 2. С. 109–121. DOI: 10.17976/jpps/2020.02.08. EDN: WUIELN
6. Малинова О.Ю. Тема прошлого в риторике президентов России // Pro et Contra. 2011. Т. 15, № 3-4 (май – авг.) С. 106–122. EDN: QYTCNP
7. Символическая политика: сборник научных трудов / Центр социал. науч.-информ. исслед.; Отд. полит. науки; отв. ред. О.Ю. Малинова. М.: ИНИОН РАН, 2016. Вып. 4: Социальное конструирование пространства. 371 с. EDN: XSPKAX
8. Бурдые П. Структура, габитус, практика. // Журнал социологии и социальной антропологии. 1998. № 1 (2). С. 44–59. EDN: OJWQLH
9. Бурдые П. Homo academicus. М. Изд-во Института Гайдара, 2017. 464 с. EDN: HDSZPD
10. Склез В.М. «Воображаемые сообщества» Бенедикта Андерсона в контексте

теорий исторического времени // Сибирские исторические исследования. 2020. № 2. С. 79–86. DOI: 10.17223/2312461X/28/5. EDN: TLOCYU

11. Паишкова Т.И. Учебные руководства по отечественной истории для средних учебных заведений в каталогах министерства народного просвещения (1860–1916 гг.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Сер. 4: Педагогика. Психология. 2020. № 58. С. 57–73. DOI: 10.15382/sturIV202058.57-73. EDN: VTKVAB

12. Соловьев С. М. Учебная книга русской истории: учебник для вузов М.: Юрайт, 2026. 340 с. URL: <https://urait.ru/bcode/598685>

13. Завершинский К.Ф. Символическая политика как социальное конструирование темпоральных структур социальной памяти // Символическая политика: сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. EDN: ULCLWX

14. Данилович М. Оренбургский Неплюевский кадетский корпус // Военная быль. 1961. № 46. 32 с.

15. Греков Ф.В. Краткий исторический очерк военно-учебных заведений 1700–1910. М.: Тип. Вильде, 1910. 190 с.

16. Истягина-Евсеева Е.А. Комплекс ГТО в период 1930–1940 гг. как средство патриотического воспитания молодежи в Советской России // Вестник спортивной истории. 2015. № 2. С. 23–28. EDN: VCKHLD

17. Вязовик Т.П. Версия прошлого как государственный миф (к вопросу написания единого учебника отечественной истории) // Символическая политика: сборник научных трудов. М.: ИНИОН РАН, 2014. Вып. 2: Споры о прошлом как проектирование будущего. EDN: ULCLWN

18. Гончарова И.В., Чувардин Г.С. Военно-патриотическое воспитание молодежи в СССР накануне Великой Отечественной войны: уроки для информационных войн XXI века // Исторический код России: железом и верой: материалы межрегиональной научной конференции, посвященной 80-летию Великой Победы. Орел: Орловский государственный аграрный университет имени Н.В. Парахина. 2025. С. 19–24. EDN: QDKDSH

19. Нанаева И.Ш., Рахимова Б.Х., Аслаханова С.А. Влияние цифровых коммуникационных технологий на формирование патриотических ценностей у молодежи: социологический анализ // Теория и практика общественного развития. 2025. № 11. DOI: 10.24158/tpor.2025.11.7

20. Дунас Д.В., Салихова Е.А., Бабына Д.А. Консенсус, «новый патриотизм» и эффект ностальгии в российской медиакультуре (опыт изучения молодежных сообществ в VK) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2023. № 85. С. 247–268. DOI: 10.17223/19986645/85/13. EDN: VQGQMV

21. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура / пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ, 2004. 608 с. EDN: QQLCTZ

22. Лысенко А.Д., Миниханова В.В. Влияние алгоритмов рекомендаций на формирование информационного пузыря у пользователя // Форум молодых ученых. 2025. № 4 (104). С. 58–64. EDN: SRCPAF

23. Максимова О.А., Нагматуллина Л.К. Цифровая социализация российской молодежи: соотношение реальных и виртуальных коммуникационных практик // Казанский социально-гуманитарный вестник. 2023. № 5 (62). С. 42–47. DOI: 10.26907/2079-5912.2023.5.42-47. EDN: AOOQQC

24. Современное крестьяноведение и аграрная история России в XX веке / под ред. В.В. Бабашкина. М.: Политическая энциклопедия, 2015. 743 с. EDN: VFZLED

25. Судоргин О.А., Агафонов А.В. Влияние цифровизации на формирование современного молодежного политического лидерства // Управление. 2024. Т. 12, № 2. С 99–108. DOI: 10.26425/2309-3633-2024-12-2-99-108. EDN: JNYMSV

Сведения об авторах

ГОНЧАРОВА Ирина Валентиновна,
доктор исторических наук,
главный научный сотрудник
НИИ государственной политики
и управления отраслевой экономикой,
Государственный университет
управления, Москва, Россия
79208195393@yandex.ru,
SPIN-код: 4314-5422,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

ЧУВАРДИН Герман Сергеевич,
доктор исторических наук,
профессор кафедры истории России
Орловский государственный
университет имени И.С. Тургенева
Орел, Россия
wodantag@mail.ru,
SPIN-код: 1832-8292,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

ВЕЛИЧКО Антон Иванович,
младший научный сотрудник
отдела научной деятельности
Управления координации
научных исследований
Государственный университет
управления, Москва, Россия
velichk2017@yandex.ru,
SPIN-код: 4888-8721,
<https://orcid.org/0009-0009-0722-5900>

Статья поступила в редакцию
20.01.2026

Одобрена после рецензирования
02.03.2026

Принята к публикации
25.03.2026

The authors

Irina V. GONCHAROVA,
Doctor of Sciences (History),
Chief Research Fellow
Research Institute of State Policy
and Sectoral Economic Management,
State University of Management
Moscow, Russia
79208195393@yandex.ru
SPIN-code: 4314-5422,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

German S. CHUVARDIN,
Doctor of Sciences (History),
Professor at the Department
of Russian History
Orel State University named
after I.S. Turgenev
Orel, Russia
wodantag@mail.ru,
SPIN-code: 1832-8292,
<https://orcid.org/0000-0002-7532-8751>

Anton I. VELICHKO,
Junior Researcher at the Department
of Scientific Activities
Department for the Coordination
of Scientific Research
State University of Management
Moscow, Russia
velichk2017@yandex.ru,
SPIN-code: 4888-8721,
<https://orcid.org/0009-0009-0722-5900>

The article was submitted
20.01.2026

Approved after reviewing
02.03.2026

Accepted for publication
25.03.2026